

В.С.Батурин, Э.Г.Шуматов

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Свободное время как основа формирования человеческого капитала

В статье выявлены методологические основания концепции формирования человеческого капитала. Авторы показали, что новый этап развития общества предполагает качественно иные детерминанты и факторы формирования человеческого капитала. Обоснована необходимость отказа от субъект-объектной и утверждение субъект-субъектной парадигмы социальной организации, переход от доминирования экономической онтологии к приоритету деятельностной онтологии как основанию формирования нового типа понимания сущности социального пространства и социального времени.

Ключевые слова: свободное время, человеческий капитал, рыночное отношение, демократия, политика, экономика, современное цивилизационное пространство, деятель, товар, экономические реалии, социально-политические реалии.

Для молодых суверенных государств, образовавшихся на бывшем постсоветском пространстве, на сегодня все большую актуальность приобретают уже не столько вопросы, определяемые задачами их поиска путей и способов самостоятельного перехода «к рынку и демократии», сколько, как это все заметнее по политике, проводимой, к примеру, и в России, и в Казахстане, появление у них амбициозных планов, связанных с характером их пребывания в современном цивилизационном пространстве. Это подразумевает не просто их существование в данном пространстве в качестве его рядовых членов, а претензии на вхождение в число стран, наиболее конкурентоспособных по характеру своей деятельности в ведущих сферах международной жизни. Естественно, что при решении всего комплекса возникающих при этом проблем вопросы, связанные с выявлением как специфики формирования, сущности и особенностей функционирования самого наличного цивилизационного пространства, так и, со временем, его всестороннего освоения этими странами в качестве полноправных членов, требуют все более основательной теоретико-методологической проработки. И в этом плане именно методология деятельностного подхода призвана сыграть далеко не последнюю роль.

Во многом это обусловлено тем, что практически все постсоветские республики при формировании так называемого «рыночного» и «правового пространства» стали на путь простого заимствования чужого опыта, накопленного в этой области другими странами, без его должного теоретико-методологического осмысления. И осуществлялось все это при полном игнорировании инициаторами проводимых нововведений надлежащей ориентации на подготовленность основной массы их населения к специфике деятельности в совершенно новых экономических, правовых и социально-политических реалиях.

Вполне логично, что данные обстоятельства не могли не сказаться (естественно, в негативном отношении) как на характере и качестве осуществляемых в этих странах реформ, так и на отсрочке по времени достижения на практике даже самых гуманных по своей природе замыслов, планов и начинаний. Поэтому, видимо, не случайно, на сегодня вопрос о конкурентоспособности молодых суверенных государств в ведущих социальных сферах жизни общества, и в первую очередь именно в сфере экономики, напрямую увязывается со становлением и развитием «человеческого капитала» новой формации, когда «без значительных инвестиций в человеческий капитал никакая экономика не сможет успешно развиваться» [1; 1].

Однако смысл данного понятия, при внешне кажущейся легкой доступности для понимания, оказывается не таким уж простым. Тем более, как наглядно и убедительно продемонстрировал кризис, недавно разразившийся в сфере мировой экономики, многие критерии и ценности, которые еще совсем недавно считались незыблемыми среди наиболее передовых стран мирового сообщества и которые выступали в качестве своеобразных эталонов и ориентиров в этой сфере для других стран, в том числе и в плане трактовки понятия «человеческий капитал», оказались далеко не безупречными. И одна из причин, на первый взгляд, это может показаться и странным, — это то, «что мы по-прежнему смотрим на сегодняшний мир, как и на будущий Новый мир, сквозь оптику старых инструментов мышления. Но для начала радикального обновления нам надо обновить всё наше мышление. Соответственно, нужно обновить и все понятия, категории, теории, схемы, концепты мышления и термины, обозначающие факты и явления нового мира» [2].

Как известно, наиболее развернутое понимание сущности понятия «человеческий капитал» в контексте деятельностного подхода дано К. Марксом в процессе его исследования сущности возникновения и функционирования в условиях товарного производства. Не останавливаясь подробно на этой части учения К. Маркса, отметим только ту особенность его подхода, на которую меньше всего обращают внимание как его сторонники, так и оппоненты всех мастей и уровней. По замечанию О. С. Анисимова, «... сам человек помещается здесь в две разные онтологии — деятельностную и экономическую, если не считать выделенную в контекст жизнедеятельностную онтологию. В онтологии деятельности человек есть **деятель**, а в экономической онтологии — он есть рабочая сила как **товар**, хотя и специфический, на время производства. В экономическом предмете важен не сам продукт деятельности, а его «способность» стать товаром, включиться в рыночный обмен» [3; 16].

Следует заметить, что при этом в понимании Маркса «... как рабочая сила человека не является капиталом от природы, точно так же не являются капиталом от природы и средства производства» [4; 33]. Для капиталиста рабочий как деятель и средства производства, необходимые для осуществления любого типа производственной деятельности, нужны лишь как факторы, способствующие порождению прибавочной стоимости. Ведь, как писал Маркс: «Капитал — это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает. Время, в продолжение которого рабочий работает, есть то время, в продолжение которого капиталист потребляет купленную им рабочую силу» [5; 24].

Если же это использование рабочей силы не приносит желаемой прибыли, то оно лишается определенной значимости лишь в экономическом отношении, в то время как деятельностная значимость в этом случае сохраняется. Ведь в результате затраченный труд находит свое воплощение в произведенном предмете (продукте). Здесь видно, что Маркс совместил экономические факторы деятельности, использование деятельности «для-иного», для прибыли, с полнотой отрыва человека от его свободы самовыражения на время деятельности, назвав это отчуждением ради прибыли, эксплуатации, неэквивалентности обмена. Деятельность стала как бы сопровождающим дополнительным порождением экономического процесса. Но именно это обстоятельство и привело к выделению деятельности в особой тип реальности, где исходным основанием бытия является отчужденная от исполнителя норма преобразования любого типа исходного материала в совершенно новый по своему характеру предмет (продукт, товар).

В силу этого в буржуазном обществе «рабочий становится рабом своего предмета в двояком отношении: во-первых, он получает *предмет для труда*, т.е. *работу*, и, во-вторых, он получает *средства существования*. Только этот предмет дает ему, стало быть, возможность существовать, во-первых, как *рабочему* и, во-вторых, как *физическому субъекту*. Венец этого рабства в том, что он уже только в качестве *рабочего* может поддерживать свое существование как физического субъекта и что он является рабочим уже только в качестве *физического субъекта*» [6; 562].

В социумном пространстве, где индивиды существуют только как физические субъекты, их общественная значимость, т.е. их социальная ценность, определяется не столько тем, что они являются просто живыми людьми (индивидами), сколько качеством персонального исполнения, предписываемым им со стороны имеющегося окружения социальных функций, т.е. их «меновая стоимость». Но это время пребывания человека в наличном социальном пространстве «в качестве физического субъекта» является чисто социальным изобретением. И оно появилось только благодаря общественному характеру бытия человека. Однако именно в буржуазном обществе оно принимает такие формы, которые, в конце концов, даже вступают в противоречие с естественной, природной сущностью самого человека. Ведь все время существования рабочего в качестве физического субъекта оборачивается

для него отчуждением не только от предметов природы, но и от собственной деятельности, сводимой, в конечном итоге, к подневольному, принудительному труду.

Это оказывается возможным в силу того, что «сам труд, сама *жизнедеятельность*, сама *производственная* жизнь оказываются для человека лишь *средством* для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования. А производственная жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь. В характере жизнедеятельности заключается весь характер данного вида, его родовый характер, а свободная сознательная деятельность как раз и составляет родовый характер человека. Сама жизнь оказывается лишь *средством к жизни*» [6; 565].

В итоге родовая сущность наемного рабочего как человека становится чуждой его индивидуальному существованию. Весь этот созданный в процессе эволюции человеческой истории мир искусственной, очеловеченной природы и мир духовный превращаются в «чуждую ему сущность, в *средство* для поддержания его *индивидуального существования*. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую сущность*» [6; 567].

К не менее значимым негативным последствиям при отчуждении родовой сущности человека капиталистический способ производства приводит не только сферу «обработки предметов природы людьми», но и сферу «обработки людей людьми». Подобно тому, как рабочий «... свою собственную производственную деятельность превращает в свое выключение из действительности, в кару для себя, а его собственный продукт им утрачивается, становится продуктом, ему не принадлежащим, точно так же он порождает власть того, кто не производит, над производством и над продуктом. Отчуждая от себя свою собственную деятельность, он присваивает чуждому человеку деятельность, ему не присущую» [6; 569].

Отчуждение собственной деятельности и ее результатов ведет не только рабочего к превращению в «абстракцию человека». Этот процесс и другого, «чуждого труду» хозяина средств производства, тоже обрекает на существование, противоречащее подлинной человеческой сущности. На первый взгляд, кажется, что владелец средств производства, этот «хозяин труда», волен свободно распоряжаться дарованной ему властью над другими и своей собственной деятельностью исключительно по своему личному усмотрению. Но это только так кажется. В действительности, как отмечает М. Вебер: «Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения; фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним» [7; 76].

Ведь рабочая сила капиталистом «...покупается здесь не для того, чтобы ее действием или ее продуктами покупатель мог удовлетворить свои личные потребности. Цель покупателя — увеличение стоимости его капитала, производство товаров, которые содержат больше труда, чем он оплатил, следовательно, содержат такую часть стоимости, которая для него ничего не стоила и которая, тем не менее, реализуется при продаже товара. Производство прибавочной стоимости или нажива — таков абсолютный закон этого способа производства» [5; 632].

Открытие этого абсолютного закона капиталистического способа производства позволило Марксу сделать вывод, что в обществе в целом, как над рабочим, так, в равной мере, и над капиталистом, «господствует *нечеловеческая* сила». Ориентация процесса производства не на служение разумной человеческой потребности, а на получение сверхприбыли, т.е. максимальной наживы, способствовала гипертрофированию *субъект-объектной* формы взаимоотношения человека со всем окружающим его миром, как с миром природы, так и с миром взаимоотношения с другими людьми.

И в этом состоит главная, характерная особенность социального пространства, где во всех сферах жизни начинают господствовать отношения капиталистического типа. Ведь общественные отношения, формируясь в результате «отчуждения человека от человека» и отрываясь от их непосредственных участников, становятся как бы самостоятельно действующими силами. Это явление Маркс определил как феномен «превращенных форм», образующих собой мир «псевдоконкретности», царство «квазисубъектов». К этому можно добавить и пространство «псевдодеятельности».

Поскольку в условиях функционирования капиталистического общества социальные отношения строятся при доминировании принципов субъект-объектной парадигмы организации социальной деятельности, то основная часть населения, обреченная на объектоподобный характер существования, именно для того, чтобы выжить, вынуждена трудиться. Но трудиться не добровольно, а принудительно. «Это не удовлетворение потребности в труде, а только *средство* для удовлетворения других

потребностей, нежели потребность в труде. Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы» [6; 563].

Поскольку продажа своей рабочей силы является единственной формой соединения рабочего с условиями его трудовой деятельности, то сам характер этой деятельности, ее содержание, продолжительность, уровень профессионального мастерства и т.д. — все это служит определяющим критерием отличия в эволюции существования различных форм капитала. Но в силу того, что рабочий, продавая свою способность к деятельности как товар, производит прибавочную стоимость и тем самым способствует созданию капитала, то именно он и выступает в качестве важнейшего звена функционирования капитала в целом. В этой связи остановимся более подробно на выявлении условий, способствующих функционированию так называемого человеческого капитала вообще, и той роли, которую играет при этом свободное время в частности.

Маркс отмечает: «Прибавочный труд рабочей силы есть даровой труд для капитала и потому образует для капиталиста прибавочную стоимость, стоимость, за которую он не уплачивает эквивалента» [4; 33]. Подобное использование неоплачиваемого труда рабочего в качестве средства для обогащения капиталиста в условиях доминирования принципов субъект-объектной парадигмы организации социальной самоорганизации воспринимается в обществе в целом как вполне нормальное явление, «ибо покупатель и продавец товара, например, рабочей силы, подчиняются лишь волеям своей собственной воли... Единственная сила, связывающая их вместе, — это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес» [8; 187]. Предметом торга между сторонами, имеющими диаметрально противоположные интересы, становится вопрос о так называемом общественно необходимом времени, т.е. времени, подлежащем оплате со стороны нанимателя рабочей силы. А оно, это время, в конечном итоге, находится в прямой взаимосвязи с общей продолжительностью рабочего дня.

Все же вопросы, касающиеся так называемого свободного времени, как правило, увязываются только с той частью индивидуальной жизнедеятельности рабочего, которая остается за пределами времени, на которое он нанимается капиталистом для участия в производственном процессе, т.е. когда он реально и по собственной воле вынужден действительно являться несвободным.

Человечество на нынешнем этапе своего существования смогло достичь лишь такого уровня, при котором отношения вещной зависимости универсальность человеческой деятельности сводят только к одной ее разновидности — трудовой. Труд превращает в своеобразный объект все то, что оказывается вовлеченным в этот важнейший, но всего лишь один из многих, вид социальной деятельности. Его предметно-вещная заданность извращает полезность как главное условие, обеспечивающее существование индивида. Она же гипертрофирует субъект-объектную схему отношения физического субъекта, юридического лица, общества в целом по отношению ко всему, что вовлекается в сферу их деятельности. Тотальному культивированию «объектного» отношения ко всему и вся во многом способствует и социумный характер сосуществования индивидов в обществе, где главным принципом функционирования всех его сфер является отношение «господство-подчинение».

Сведение универсума деятельности только к одной из ее функций — служить в качестве средства для выживания подавляющего большинства членов общества — это одна из главных закономерностей, обеспечивающих функционирование материального производства в условиях капиталистического общества, независимо от места (региона), формы и времени его существования.

Но поскольку и все остальные, в том числе социальная, духовная, сферы деятельности людей прямо или косвенно зависят от материального производства, то все они, так или иначе, по отношению к нему оказываются вынужденными выполнять в определенной мере сервисную функцию.

В связи с этим и все данные сферы деятельности не могут не копировать материальное производство и не могут не нести на себе печати быть организованными по его образу и подобию. И чем дальше эволюционирует общество в своем развитии, тем сложнее в нем становятся внутри- и межпроизводственные связи, а значит, тем завуалированнее и изощреннее становится непосредственная взаимосвязь производственной и всех иных сфер жизни людей. В конечном счете, тем труднее конкретному человеку выйти на понимание того, где он действительно волен распоряжаться своим свободным временем, а где нет.

Отсюда любой конкретный вид деятельности внутри этой социальной «деятельности-монстра» приобретает вид частного труда, лишённого права на самостоятельное и автономное существование. Вследствие этого и любой человек обречен на «бытие» в данном виде социального пространства, как правило, в качестве одной из функций этой деятельности как Целого. Ведь место в социальной

иерархии в наличных социальных реалиях для каждого, в конечном итоге, детерминировано именно характером и успехами его непосредственной деятельности и тем, насколько именно в данное время этот вид деятельности оказывается востребованным, естественно, в соответствии с существующими на данный момент социальными капризами спроса и предложения на него.

С приходом капитализма, когда весь мир превратился во всеохватывающее пространство рынка, развитие не могло продолжаться только количественно, путем захвата новых территорий, из-за ограниченного наличия таковых. Поэтому от количественной стороны производства капитализм переходит к качественной, т.е. от экстенсивного метода производства к интенсивному. Технологии открывают новый критерий измерения производства — временное измерение. «Принцип крупной промышленности — разлагать всякий процесс производства, взятый сам по себе, и прежде всего безотносительно к руке человека, на его составные элементы, создал вполне современную науку технологии» [5; 497]. Технология — это максимально возможно сжатое на данной ступени развития общества содержательное время для производства и воспроизводства. Благодаря совершенству именно технологических процессов задаются не только отличные от природных ритмы, темпы производственных процессов, но и, в определенном смысле, даже совершенно иные темпы развития самого общества. И здесь не последнюю роль начинают играть требования, предъявляемые к качеству используемой рабочей силы.

Ведь если рабочая сила есть не только деятель, но и капитал, то на рынке труда, и вообще на любом рынке, отношение к рабочей силе не может игнорировать законы, учитывающие, в первую очередь, процессы, связанные именно с ростом капитала. А это значит, что и время, непосредственно не относящееся к сфере производства и определяемое как свободное, приобретает рыночно значимую ценность. И, как следствие, для рабочего это внепроизводственное время считается свободным может лишь только условно.

Ведь именно оно в первую очередь подлежит немедленному перекраиванию в угоду потребностям и запросам рынка, в целях поиска новых возможностей для дальнейшего повышения или совершенствования мастерства самого деятеля. И осуществляется это перекраивание вовсе не по его доброй воле, а вследствие требований законов все того же капиталистического способа производства, главная цель которого — организация соответствующей деятельности по поддержанию дееспособности капитала. На практике это оборачивается обязательным воспроизводством условий по принуждению рабочего к постоянной готовности (с целью надлежащего обеспечения своего физического существования) к совершенствованию уровня своего профессионального мастерства, чтобы не быть выброшенным за пределы социального пространства с постоянно меняющимися по своему характеру именно «промышленно-производственными» параметрами деятельности.

Кроме того, и процесс институализации различных сфер жизни капиталистического общества, даже напрямую не связанных со сферой материального производства, проходящий под эгидой выражения и защиты интересов, в первую очередь, конечно же, его субъектоподобной части, тоже не прочь заявить свои претензии на так называемое свободное время все того же рабочего. Ведь в сферах и материального производства, и надстроечных сферах, где люди-монады живут однотипной социальной жизнью, они отчуждены от своей сущности и поэтому не принадлежат себе. Поэтому власть создаваемых в обществе социумных институтов начинает распространяться и на сферу свободного времени, традиционно определяемую, в первую очередь, таким понятием, как досуг. Ибо именно это та сфера, которая по укоренившейся привычке считается пространством, якобы, всецело принадлежащим индивиду, в котором он, будто бы, волен всецело распоряжаться собой по своему собственному усмотрению.

Буржуазное общество, несомненно, способствовало ликвидации веками существовавшей формы индивидуальной зависимости человека от другого человека. Но пришедшая на смену форме вещной зависимости капиталистическая форма собственности придала всей палитре общественных отношений в данном типе социального пространства абсолютно гипертрофированный характер. Именно данный тип собственности привел к тому, что для большей части людей была создана иллюзия псевдосвободы, а это одновременно способствовало трансформации универсальности индивида как субъекта в квазисубъект. В итоге — превращение формируемого социального пространства, как места «бытия» человека, в мир мнимой социумной псевдореальности.

Ведь в этих условиях по образцу и подобию материального производства формируется и вся создаваемая при этом индустрия досуга и других форм организации так называемого свободного (личного) времени работника. Ее задача все та же — приобщение человека, даже на уровне его инди-

видуального сознания и даже подсознания, к пребыванию в другом, отличном от реального, но все таком же пространстве псевдосубъектного бытия, в мире псевдореальных потребностей.

Поскольку существование в социальном мире, с его нормативно-функциональной заданностью, обрекает основную часть населения на объектоподобный характер бытия, то индустрия досуга сориентирована на сохранение данного типа социального пространства весьма своеобразным способом. Его суть сводится к тому, чтобы дать возможность индивиду хоть на время, и даже в виртуальном мире, но почувствовать себя приобщенным к когорте так называемых «субъектоподобных», а значит, к числу тех, кто, якобы, волен абсолютно свободно распоряжаться собой и в этом плане не ведает страха и преград ни перед кем и ни перед чем.

Поскольку жизнедеятельность индивида во всех сферах капиталистического мира связана с приобретением средств для существования, то его трудовая и иные виды деятельности предопределены набором норм, требований, всевозможных функций и ролей, предписываемых ему со стороны наличного социального окружения. Последние существуют как бы самостоятельной жизнью, помимо самого индивида, и довлеют, властвуют над ним. Поэтому любые трудовые усилия, даже в процессе творческого созидания чего-либо, для индивида все равно предстают в качестве необходимости, навязываемой ему как бы извне и помимо его воли. (В этом плане характерным примером может быть биография А. Сахарова — одного из творцов водородной бомбы, впервые созданной в Советском Союзе, который в прямом смысле восстал против использования результатов своего творчества в сугубо антигуманных целях.)

Отсюда даже созидательность, как проявление универсального характера человеческой деятельности, становится для любого типа наемного работника своего рода обузой, противоречащей его сущностной природе. И индустрия досуга, формируемая в условиях господства субъект-объектной парадигмы организации социальной деятельности, пытается компенсировать необходимость пребывания в этой псевдонегативной сфере созидания довольно-таки оригинальным образом. Это достигается за счет своеобразной смены акцентов, когда главное внимание уделено предоставлению возможности каждому побыть в роли уже не созидателя, а именно разрушителя «всего и вся», т.е. хоть ненадолго примерить на себя роль «всесильного хозяина своей судьбы», якобы обладающего ничем не ограниченной свободой в своей деятельности.

Не с этим ли связана та атмосфера ярко выраженного индивидуализма и агрессивности, ничем не оправдываемого насилия и жестокости, отсутствия всякой морали, кроме единственного права на диктат силы и тому подобных антигуманных проявлений, которая в основном захлестнула экраны кинотеатров и телевизоров, страницы художественной литературы и средств массовой информации в любой из стран капиталистического мира? И сегодня все яснее становится, что подобная участь уготована и всем молодым государствам, возникшим на постсоветском пространстве. Человеку как бы исподволь навязывается для подражания не только образ этакого «супермена-одиночки», но и идеалы и ценности, образцы и схемы, по которым мыслит, действует и живет этот моносоциумно-зомбированный человек-робот.

Поскольку всей своей сутью капиталистическое общество, функционирующее в режиме субъект-объектной парадигмы социальной самоорганизации, нацелено только на самовоспроизводство, то представители господствующей его части, выступающие по функции в роли его «субъектоподобной» части, заинтересованы в сохранении существующего положения вещей и дел. В связи с чем социальная деятельность во всех сферах общества организована так, чтобы постоянно воспроизводить данный тип наличного социального пространства. Для того чтобы это осуществлялось непрерывно, именно данная часть общества в первую очередь остается всегда заинтересованной в том, чтобы не терять контроля не только над общественно необходимым временем, т.е. временем, связанным с процессом материального производства, но и над так называемым свободным временем.

Итак, весь творческий потенциал социальной деятельности в условиях доминирования отношения господство — подчинение направлен, по большому счету, не на творчество, в подлинном смысле этого слова, а на сохранение неизменности данного типа отношения. Если даже творчество и есть, то оно имеет ограниченный и усеченный вид и направлено только на количественное увеличение соответствующего типа социального пространства, или, другими словами, созидание возможно только в пределах изобретения способов и методов, не допускающих выхода за пределы данного типа отношения.

И одним из действенных способов достижения этого на практике является формирование в обществе подконтрольных социальных потребностей. Тот, кто выступает в роли социального субъекта, задавая потребности, формирует того, кто ему необходим, т.е. послушную объектоподобную массу.

Не случайно именно капиталистическое общество, по своей сути, превращается в общество массового потребления, члены которого становятся своеобразно зомбированными на стандарты, ценности и идеалы, диктуемые и предпосылаемые им как бы извне.

Маркс отмечает: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [5; 772–773].

На смену существующим социальным реалиям грядет новый этап в развитии общества, представляющий собой новый тип социального пространства. При этом вырисовываются его определяющие черты: «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние» (Маркс).

Общество практически должно решить проблему формирования совершенно иного по качеству типа социального пространства, где четко просматривается доминирование приоритета онтологии деятельности перед онтологией экономической. Особую ценность смена этих приоритетов имеет в связи с необходимостью отказа от использования принципов субъект-объектной парадигмы и переходом к совершенно иной — субъект-субъектной парадигме социальной организации всех сфер жизни общества. Это значит, что полностью должна быть исключена (или, во всяком случае, сведена к минимуму) сама возможность использования кем угодно и кого угодно в качестве средства, т.е. объекта, в процессе достижения любого типа личных или социумно значимых потребностей, интересов и целей. В одинаковой мере это относится как к отдельному человеку (как физическому субъекту), так и к любому государственно-общественному органу (как субъекту юридическому).

Только в этих условиях человек начинает путь вхождения и пребывания в деятельностном пространстве в качестве деятеля, над которым не довлеет воля, проявляемая как открыто, так и в любой какой-либо завуалированной форме как диктат посторонней силы, навязанная кем бы то ни было извне. При этом в процессе утверждения норм деятельности при достижении любой индивидуально или социально значимой цели человек всегда остаётся активным участником согласовательного процесса на любом из его этапов, как на стадии проектирования, так и в процессе непосредственного осуществления любого типа коллективно организованной деятельности. Отличительная особенность этого типа деятельности — сам деятель сознательно «приобретает» и деятельностные обязанности, ответственность, «несвободу», и свободу в пределах содержания данным (согласованным) образом установленной нормы, ибо в этом случае актуально или потенциально он уже не существует отчуждённо от своих интересов, как деятельностного, так и внедеятельностного типа.

Итак, свободное время есть пространство формирования деятельных способностей субъекта. Как верно отметил Г. С. Батищев, неправомерно редуцировать свободное время только к «потребительскому досугу», т.е. свободное время «отнюдь не время потребляемое, расходуемое (сюда же относится время, заполняемое любой псевдокультурой — развлекательством, увеселениями, «чтivism», компенсаторными хобби, зрелищами и «болезнями», короче говоря, всем тем, что снижает уровень субъектных способностей и губителен для духовного развития). Это время обретаемое, а именно — в неограниченном творческом наследовании и наследующем со-творчестве. Это время «свободного духовного производства» [9; 371].

Свободное время как творчество, во-первых, всегда есть со-творчество, т.е. адресованность одного субъекта другому субъекту, а следовательно, и самому себе, т.е. саморазвитие. Во-вторых, свободное время есть сфера творческого общения субъектов, т.е. сфера субъект-субъектных отношений, пространство связей со-творческих. В-третьих, свободное (социальное) время — это время общения самих деятельных способностей субъектов. Предметная деятельность здесь выступает всего лишь опосредованным средством, своеобразной формой, благодаря которой способности субъектов в процессе согласования становятся достоянием друг друга.

Общение как социальная деятельность — это пространство со-творчества. Вне адресованности творчество, т.е. саморазвитие человека, невозможно, так как выступает как «встреча» субъектных миров. Даже индивидуальная мыследеятельность как творчество есть «встреча» с самим собой, т.е. это открытие новых измерений человеческого в человеке, или обретение самого себя, своего Я.

Мыследеятельность есть «встреча-открытие», т.е. общественная деятельность. Мыслитель, совершив какое-либо открытие, противопоставляет свое Я (в действительности, это открытие и составляет все содержание его Я) другому Я, т.е. общественному Я, «духу». Происходит диалог мыслителя,

т.е. он свою точку зрения поднимает до уровня всеобщего духа, вступает с ним в общение. Но мыслитель только в том случае творит, когда он при этом руководствуется приоритетом принципов субъект-субъектных отношений, т.е. субъект не только он, или он не орудие, средство мыслящего духа (субстанциализм). Только когда мыслитель вступает в диалог с мыслителями прошлого, как действительными творцами своих идей и учений, именно тогда происходит своеобразный обмен познавательными способностями людей. А это, в конечном итоге, влечет за собой их дальнейшее развитие и совершенство. Вне преювственности как субъект-субъектного (междусубъектного) общения нет творчества.

Итак, если смотреть через призму господствующей и сегодня во всех типах отношений субъект-объектную парадигму деятельности, то история философии, история развития человеческого мышления предстает только совокупностью отдельных и разрозненных идей мыслителей прошлого, авторитет которых должен быть непререкаем, а их высказываниям необходимо во всем и безоговорочно следовать. Если же руководствоваться парадигмой субъект-субъектных отношений, то история философии должна предстать как история развития и становления способностей человека к универсальной деятельности. Вступая в диалог с философами прошлого, мы развиваем наши познавательные способности, так как в ходе деятельностного общения, т.е. производства формы общения, производство есть общение самих деятельных способностей, а общение есть производство самих способностей. И здесь нельзя не согласиться с К.А. Абишевым, что производство (деятельность) и общение (общественные отношения) «должны представлять собой не два, а одно, единое положение или, вернее, чтобы одно из них было естественным и необходимым развитием другого» [10; 123].

Социальная деятельность, как универсальная деятельность людей, соответствует логике человека, находящегося в движении абсолютного становления. Логика универсальности — это логика саморазвития. Сфера же саморазвития — это сфера бесконечного, так как, согласно Гегелю, бесконечность есть «абсолютный непокой чистого самодвижения» [11; 90]. Используя гегелевскую терминологию, «...другой» — это тоже человек как субъект, но его необходимо рассматривать как различие, но как различие в себе, т.е. субъект «есть одноименное, которое отталкивается от самого себя или раздваивается» [11; 89]. И этот «другой» есть «различие как различие *внутреннее*, или различие *в себе самом*, или есть в качестве *бесконечности*» [11; 88]. Поэтому «другой» здесь не выступает в качестве границы или предела свободы и творчества субъекта, а предстает тоже как субъект, точнее, как соучастник и созидатель.

Человек становится универсальным существом именно благодаря времени как форме саморазвития вообще. Если животное действует согласно только «мере» своего вида, то человек посредством времени раскрывает меру самих вещей. Время — это всеобщая мера предметов, т.е. мера вообще, ибо, зная время, человек знает саму вещь, так как во времени человек знает причины возникновения и становления вещи. Во времени через человека, если можно так выразиться, творит сама природа. Человек — «проявитель» природы. А инструментом, взламывающим тайны природы, и является время как всеобщая мера. «В этой связи уместно говорить, что человек как субъект происходит не только и не даже не столько от обезьяны (если вообще такое возможно), сколько от всего Бытия, Универсума, от его универсально-всеобщих определений и их универсальной объективной логики — диалектики» [12; 26]. Логика универсальной человеческой деятельности повторяет логику самого Универсума. Развитие человека есть развитие самого Универсума. «Можно сказать и так: Универсум есть не столько *Миро-здание*, сколько *Миро-созидание*. И человек-субъект по своему космическому призванию есть один из участников, один из зодчих этого процесса созидания» [12; 34].

Из изложенного выше следует, что неизбежная перспектива развития социальной деятельности как таковой — это формирование такого типа социального пространства, в котором приоритет безоговорочно признается за принципами субъект-субъектной парадигмы социальной самоорганизации во всех видах социальных отношений и деятельности как отношений со-творческих и в котором в качестве обязательного условия выступает развитие деятельных способностей всех их непосредственных участников, а не только какой-либо отдельной их части, пусть даже и наиболее многочисленной по своему составу, как это имело место, например, в бытность существования социалистического общества.

Как известно, человек не есть нечто ставшее, данное. Он, по сути, постоянно находится в процессе абсолютного становления и саморазвития. Поэтому не случайно К.Маркс отмечает, что «с точки зрения непосредственного процесса производства сбережение рабочего времени можно рассматривать как производство *основного капитала*, причем этим основным капиталом является сам человек» [13; 221].

Таким образом, можно сделать вывод. Вся история общества наглядно демонстрирует, что оно функционировало и продолжает функционировать в условиях, когда определяющей формой взаимоотношения между его членами является отношение «господство-подчинение». В этих условиях все разнообразие порождаемых при этом видов социальной деятельности призвано служить только одной цели — сохранению данного типа отношения. Но поскольку при этом доминируют принципы субъект-объектной парадигмы социальной самоорганизации, то в силу этого подавляющая по своему составу часть общества, обреченная на объектоподобный характер существования, именно чтобы выжить, вынуждена все свои универсальные к деятельности способности формировать, развивать и совершенствовать только лишь применительно к одному из ее видов — трудовой деятельности. А так как и на сегодня главная цель трудовой деятельности сводится к получению прибыли, получаемой отнюдь не теми, кто своей деятельностью в основном и способствует ее получению, то в обществе по-прежнему в понятии «человеческий капитал» подразумеваются те же смыслы, что закладывались в него в контексте экономической онтологии, столь характерной для капитализма в его классической форме.

Изменение этого смысла связано, в первую очередь, не только со сменой субъект-объектной парадигмы социальной самоорганизации общества, но и с отказом от доминирования отношения «господство-подчинение». Это объективное требование, пусть не сегодняшнего дня, но ближайшего будущего. И чем быстрее это будет осознано в обществе и осуществлено на практике, тем значительнее будет само влияние человека на ход истории и тем гарантированнее будет осуществляться ее действительный прогресс.

Список литературы

- 1 Назарбаев Н.А. Казахстан в посткризисном мире: интеллектуальный прорыв в будущее // Казахстанская правда. — 2009. — 14 окт. — С. 1.
- 2 Назарбаев Н.А. Ключи от кризиса // Российская газета. — 2009. — 2 февр. — С. 1.
- 3 Анисимов О.С. Маркс: экономическая онтология, метод, мир деятельности. — М.: Внешторгиздат, 2002. — 323 с.
- 4 Маркс К. Капитал. — М.: Политиздат, 1955. — Т. 2. — 476 с.
- 5 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Соч. 2-е изд. — М.: Политиздат, 1960. — Т. 23. — 907 с.
- 6 Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Политиздат, 1956. — 689 с.
- 7 Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
- 8 Маркс К. Капитал. — М.: Политиздат, 1969. — Т.1. — 907 с.
- 9 Батищев Г.С. Диалектика творчества. — М., 1984. — 443 с. — Деп. в ИНИОН АН СССР. — № 18609. — 1984. — 1 нояб.
- 10 Абдильдин Ж.М., Абишев К.А. Формирование логического строя мышления в процессе практической деятельности. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. — 212 с.
- 11 Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. — М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1959. — 440 с.
- 12 Хамидов А.А. Категории и культура. — Алматы: Гылым, 1992. — 240 с.
- 13 Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Соч. 2-е изд. — М.: Политиздат, 1969. — Т.46. — Ч.II. — 618 с.

В.С.Батурин, Э.Г.Шуматов

Бос уақыт адамзат капиталын қалыптастыру негізі ретінде

Мақалада адамзат капиталын қалыптастырудың методологиялық негіздері анықталады. Авторлар қоғам дамуының жаңа кезеңі адамзат капиталын қалыптастыру факторы мен басқа да сапалы детерминанттарын ұйғаратынын көрсетеді. Мұнда субъект-объектіліктен бас тарту қажеттілігі мен элеуметтік ұйымның субъект-субъектілік парадигмасы, сонымен қатар элеуметтік кеністік пен элеуметтік уақыттың мәнін түсіндірудің жаңа типін қалыптастыру негізі ретіндегі қызметтік онтология басымдылығына экономикалық онтологияның үстемдігіне өту негізделеді.

V.S.Baturin, E.G.Shumatov

Leisure time as the basis of human capital

The article «Free time as the basis of human capital formation» identifies the methodological foundation of concept of human capital formation. The authors show that a new stage of social development requires qualitatively determinants and factors human capital formation. It justified the necessity of rejection from subject-object paradigm and the assertion of subject-subject paradigm of social organization, the transition from economic activity dominance of ontology to ontology priority as base for creating a new type of social space understanding and social time.

УДК 101.1

Б.Ж.Жусупова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова***Философия как особый вид искусства**

В статье обращено внимание на специфику философского знания. Показано, что автор соотносит его с другими формами общественного сознания — наукой, религией и искусством. Несмотря на попытку философов рационально исследовать мир, в статье проведена мысль, что вследствие сложности философских задач на помощь человеческому разуму приходит вся глубинная сущность человека, пестрая гамма возможностей и способностей человека: в итоге философия все ближе подходит к искусству. Отмечено, что философское знание отходит постепенно от строгого академизма, элитаризма, от постановки основного вопроса философии, от европоцентризма и одновременно азицентризма и многих других «-измов», но не с целью окончательно покончить с ними, а рассмотреть в другом ракурсе, сравнить с новыми веяниями и тенденциями.

Ключевые слова: философия, искусство, человек, человеческая деятельность, потребность человека, видение мира, философский подход, окружающий мир, кризис мировоззрения, кризис физики.

Что такое искусство? В одном из энциклопедических словарей ему дано следующее определение: «Искусство — отрасль человеческой деятельности, стремящаяся к удовлетворению одной из духовных потребностей человека, а именно любви к прекрасному. Искусство подразделяется на тоническое: поэзия, музыка и на образное: архитектура, скульптура, живопись...» [1; 325]. Вполне очевидно, что подобное определение искусства не является философским. Во-первых, поэзия и музыка тоже представляют собой образное видение мира, но образы эти другие — они вербальны, а не визуальны, как в живописи. Во-вторых, философский подход подразумевает разностороннее, глубинное рассмотрение любого явления, и не потому, что философия так хочет, а потому что мир, окружающий нас, не линеен, не плосок, не прост. Такая сегодняшняя очевидность мира когда-то была обнаружена как сенсация и вызвала среди ученых смятение, кризис мировоззрения, отразившись в науке как «кризис физики». И это был не частный кризис в научном, позитивном знании, а кризис в глобальном понимании мира, кризис в философии. Вообще, грань между физикой и философией очень хрупка, а может быть ее и вовсе не существует. Не случайно, греческие философы на «зарю» философии предпочитали называть себя не философами, а физиками. И, думается, греки демонстрировали